

РОБЕРТ ШРЁДЕР
**ЖАДНОСТЬ
ДЮПОНОВ**
КАК
КРУПНЕЙШАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ
КОРПОРАЦИЯ
ОТРАВИЛА МИР

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Роберт Шрёдер

**Жадность Дюпонов. Как
крупнейшая химическая
корпорация отравила мир**

«Алисторус»

2026

УДК 338.22
ББК 65.290.2(7Coe)

Шрёдер Р.

Жадность Дюпонов. Как крупнейшая химическая
корпорация отравила мир / Р. Шрёдер — «Алисторус»,
2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-615-4

Компания DuPont — легендарная корпорация химической отрасли, крупнейший производитель пороха и динамита в XIX веке. Эта компания связана с разработками химического оружия — производила напалм и «агент оранж» для американской армии во время войны во Вьетнаме. Также она полностью курировала и оплачивала разработку американского ядерного оружия во время «Манхэттенского проекта» (семья Дюпон находилась в родстве с Рузвельтами). В конце XX века именно DuPont через продажных журналистов запустила фейк о «дыре в озоновом слое» (и что якобы фреоны в холодильниках эту дыру увеличивают). Все ради того, чтобы заменить фреоны в холодильных установках на свой новый продукт – фторуглерод. В этой книге кратко рассказана история преступлений компании DuPont против человечества. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 338.22
ББК 65.290.2(7Coe)

ISBN 978-5-00269-615-4

© Шрёдер Р., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Примечание автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роберт Шрёдер

Жадность Дюпонов

Как крупнейшая химическая корпорация отравила мир

© Шрёдер Р., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

*Они хотят всё замять. Как будто это какой-то большой секрет...
Они не говорят нам, что это. Они не хотят со мной разговаривать.
Потому что я старый тупой фермер, я не должен ничего знать. Но
ничего не получится скрыть. Потому что я вытащу это наружу, чтобы
люди сами увидели.*

Уилбур Эрл Теннант

Примечание автора

Факты и события, изложенные в этой книге, основаны на моей работе последних нескольких десятилетий и являются ее продолжением. Моя работа заключалась в предупреждении о прошлых и продолжающихся угрозах для общества, исходящих от поведения компании E. I. du Pont de Nemours and Company и других лиц, которые создают высокую вероятность причинения существенного вреда людям и общественным интересам из-за воздействия ПФОК и связанных с ним ПФАС-химикатов. Такие факты и события основаны на информации, документах, показаниях и заявлениях, доступных в открытых судебных материалах, стенограммах судебных заседаний, материалах регулирующих органов или других открытых реестрах, хранилищах документов или публикациях, заявлениях в СМИ, а также получены из иных источников, находящихся в открытом доступе, содержащихся в публичных записях или не подпадающих под ограничения конфиденциальности, утвержденные судом. Все имена и персонажи не изменены. Из-за чрезмерной осторожности публикация этой книги состоялась только после нескольких открытых судебных процессов с участием присяжных, включая три многонедельных судебных процесса в федеральном суде штата Огайо, которые завершились окончательными вердиктами и решениями присяжных, включая вердикты о возмещении убытков, а также после завершения полной подачи апелляционных документов и устных прений. Некоторые диалоги и события воссозданы автором с максимально возможной точностью, при этом были предприняты все усилия, чтобы избежать разглашения какой-либо информации, советов, достоверных сведений или результатов работы адвокатов, и без отказа каким-либо образом от какой-либо такой привилегии, защиты или других юридически признанных или иным образом доступных привилегий или защит для любого клиента или другого лица. Никто не должен интерпретировать что-либо в этой книге как представляющее или составляющее какой-либо такой отказ, поскольку любые и все такие предполагаемые отказы прямо отрицаются. Все мнения и диалоги автора (за исключением цитируемых стенограмм суда) являются его чисто личными мнениями, воспоминаниями (наилучшими из возможных), чувствами и утверждениями и ни при каких обстоятельствах не могут быть приписаны какому-либо нынешнему или бывшему клиенту, партнеру, юридической фирме или другому лицу.

Глава первая

Сухой ручей

7 июля 1996 года

Вашингтон, Западная Вирджиния

Никто не хотел ему помогать.

Фермер, разводивший скот, стоял на берегу ручья, прорезавшего залитую солнцем ложину. Позади него на волнистых лугах паслись герефорды с белыми мордами. Землю эту купил дед его матери, и это был единственный дом, который он знал. Мальчишкой он ступил босые ноги в этот ручей. Взрослым мужчиной он гулял по его берегам с женой. Отцом он смотрел, как его маленькие дочки плещутся на мелководье. Теперь его скот пил из его заводов.

Ручей выглядел как многие другие, что текли по его обширной ферме. Он был небольшим и пересыхал, питаясь дождями, что собирались в складках древних гор, которые холмили Западную Вирджинию и дарили ей те туманно-синие, почти райские дали. Грозы иногда так сильно вздымали ручей, что через него нельзя было перейти вброд. Засуха сжимала его до ожерелья заводов, где сверкали серебристые мальки. Иногда он пересыхал настолько, что они, мертвые, поблескивали в грязи. Потому его и называли Сухой Ручей.

Раньше вода в Сухом Ручье была прозрачной, как джин. Теперь она напоминала грязную воду из-под посуды. Когда вода перекачивалась через камни, образовывались пузыри, покрывая ручей мыльной пленкой. Более густая пена собиралась в заводях, дрожа, как взбитые в крутую пену яичные белки, иногда такая высокая, что ее сдувало ветром. Можно было ткнуть в нее палкой, и оставалась дыра. От воды пахло гнилью.

«Вот эта вода, прямо там, под пеной», – сказал фермер.

Он говорил в видеокамеру, прижатую к глазу. Никто не верил ему, когда он рассказывал о том, что происходит с его землей. Может, если он снимет это на пленку, они сами увидят и поймут, что он не просто какой-то сумасшедший старый фермер. В жаркой влажности пели птицы, а он вел камерой вдоль ручья. Его рука дрожала, когда он нажимал кнопку зума, наводя резкость на стоячую заводь. Ее поверхность была матовой от корки, которая морщижилась у берега.

– Вам бы понравилось, если бы вашей скотине пришлось пить такое? – спросил он своего воображаемого зрителя.

Фермера звали Уилбур Эрл Теннант. Люди, знавшие его не очень хорошо, звали его Уилбур, но друзья и семья звали его Эрл. В пятьдесят четыре года Эрл был внушительной фигурой: шесть футов ростом, поджарый, с мощными плечами, с шершавыми, как наждак, руками и постоянно прищуренными глазами. Он часто ходил по лесу босиком и без рубашки, с закатанными штанинами, и двигался с ловкой силой, наработанной за жизнь, полную таких дел, как перетаскивание телят через изгороди.

Штаб-квартира компании DuPont

Тяжелый труд был его правом по рождению. Именно он оплатил сто пятьдесят акров земли, купленной его прадедом, и двухэтажный, из четырех комнат, фермерский дом, собранный из деревьев, срубленных в лесу, перетащенных через поля и поднятых вручную. Фермерский дом стоял у подножия пологого луга, поднимавшегося к лысой вершине холма.

До Сухого Ручья от дома было меньше мили: через Ли-Крик, через открытое поле и по колее. Он протекал через угол фермы площадью в триста акров, в месте, которое Эрл называл «лощиной». Небольшая долина, зажата между холмами, – в эту лошину он перегонял стадо на выпас каждое лето. Он ходил туда каждый день пересчитывать головы и проверять изгороди. Коровы паслись на смешанном лугу из белого голландского клевера, мятлика, овсяницы, красного клевера... просто сборная солянка. До недавнего времени скот на этом отлично жирел – плюс кукуруза, которую он выращивал на откорм, и зерносмесь, купленная в магазине кормов. Теперь он кормил их вдвое больше, а они на глазах таяли.

Проблема, думал он, была не в том, что они ели, а в том, что они пили. Иногда скот ходил на водопой к поилке-корыту из-под родника в дальнем конце поля, но в основном они пили из Сухого Ручья. Эрл пришел к убеждению, что вода в нем теперь отравлена – чем, он не знал.

«Вот сюда они должны спуститься и взять пробы воды, посмотреть, что в этой воде». Он навел камеру на стоячую заводь, окруженную травой по колено. Вода оливкового цвета, с зеленовато-коричневой пеной, покрывающей коркой травянистый берег. «Разве не прелестно?»

В его голосе звучала злость. Его скот умирал необъяснимо, и массами. Меньше чем за два года он потерял по меньшей мере сто телят и более пятидесяти коров. Он отмечал каждую смерть на календаре, простой черточкой за каждое чудовищное событие. Стадо, насчитывавшее когда-то почти триста голов, сократилось примерно до половины.

Эрл искал помощи, но никто не откликнулся. Обратившись в Управление природных ресурсов Западной Вирджинии и в Департамент охраны окружающей среды Западной Вирджинии, он чувствовал, что наткнулся на стену. Ветеринар штата даже отказался приехать на

ферму. Он знал людей из Управления природных ресурсов, потому что они выдали ему специальное разрешение охотиться на своей земле вне сезона. Но теперь, казалось, они его игнорировали.

«Бесполезно идти в Управление по этому поводу. Они просто поворачиваются спиной и уходят, – сказал он в камеру. – Но вы только дайте мне время. Я что-нибудь с этим сделаю».

Но дело было в том, что время уходило. Умирала не только его скотина. Оленей, птиц, рыбу и других диких животных тоже находили мертвыми в Сухом Ручье и вокруг него. Он перестал кормить семью олениной из оленей, которых стрелял на своей земле. Их внутренности странно пахли и иногда были усеяны тем, что ему казалось опухолями. Туши лежали там, где упали. Даже грифы и падальщики не ели их.

Охота была одним из величайших удовольствий Эрла. Он всегда носил с собой винтовку, обходя ферму, всегда готовый подстрелить дичь на ужин. Он был отличным стрелком, и в его семье всегда было достаточно мяса. Его морозильник ломился от оленины, дикой индейки, белки и крольчатины.

Теперь он был заполнен образцами, которые можно было бы встретить в патологоанатомической лаборатории.

Проблема должна быть в Сухом Ручье, думал он. Он почти перестал видеть мальков, плавающих в ручье, кроме тех, что плавали кверху брюхом.

Он уменьшил масштаб и навел камеру на промышленную трубу, извергавшую пену в ручей.

«Но суть, которую я хочу донести, и донести предельно ясно, – сказал он, нажимая зум, – это устье Сухого Ручья».

Труба вытекала из отстойника в нижней части свалки. По другую сторону границы его участка свалка Драй-Ран заполняла маленькую долину, которая когда-то принадлежала его семье. Ее котлованы не были выложены изоляцией и предназначались для захоронения опасных отходов – офисной бумаги и обычного мусора. По крайней мере, так его семье сказали тринадцать лет назад люди из компании, купившей их землю.

Он больше в это не верил. Любой мог видеть, что что-то ужасно не так, причем не только с самой свалкой, но и с агентствами, ответственными за ее контроль. Неужели они думали, что никто не заметит? Неужели думали, что он будет просто сидеть сложа руки?

«Кто-то не выполняет свой долг, – говорил он в камеру, всем, кто готов был слушать. – И однажды они поймут, что кому-то это надоело».

Через две недели после съемок пенистой воды Эрл нацелил камеру на одну из своих коров. На открытом поле стояла, пучеглазо глядя, комолая герефордка – рыжая, с белой мордой и висячими ушами.

Он повел камерой на несколько градусов. Ее теленок, черно-белый, лежал мертвый на боку в кругу примятой травы. Ему было, судя по всему, от силы несколько дней. Голова была неестественно запрокинута. От туши начинало пахнуть.

«Прямо как тот, другой теленок там, наверху, – сказал он, обводя камерой примятую траву. – Видите, как все вытоптано? Этот теленок умирал в мучениях. Он брыкался, бился и катался тут так, что вы бы не поверили».

Теленок был окутан черным гудящим туманом. Он навел резкость. Мухи.

Он повел камерой дальше: костер на травянистом склоне, погребальный костер из бревен толщиной с мусорный бак. В пламени, боком к зрителю, горел теленок. Черный дым вился к дневному свету.

– Это сто седьмой теленок, который столкнулся с этой проблемой. И я всех их сжигаю. Пятьдесят шесть коров сожжено точно так же.

На другом поле лежала мертвая взрослая корова. Ее белая шкура была покрыта коркой засохшего поноса, а тазовые кости натягивали кожу шатром. Глаза глубоко запали.

– Эта корова умерла минут двадцать-тридцать назад, – сказал Эрл. – Я давал ей по меньшей мере галлон зерна в день. Вон там у нее теленок. Теленок родился мертвым.

Эрл любил своих коров, и коровы любили Эрла. Они терлись мордами, когда он чесал им головы. Весной он бегал и ловил телят, чтобы его дочки могли их погладить. Хотя он продавал их на откорм и забой, у него самого не поднималась рука убить корову, если только у нее не была сломана нога и нужно было прекратить ее мучения. В последнее время коровы начали бросаться на него, пытаясь лягнуть или боднуть головой, как эта, перед смертью.

Она провела лето в лощине, пила из Сухого Ручья, пока не начала вести себя странно. Так как никто из правительства или даже местных ветеринаров не желал этим заниматься, Эрл решил провести вскрытие сам. Это было не первое. Более ранние попытки уже выявили неприятные сюрпризы: опухоли, ненормальные органы, неестественные запахи. Он не был экспертом, но заболевание казалось настолько очевидным, что он упаковывал вещественные доказательства и оставлял их в морозильнике до того дня, когда сможет заинтересовать кого-нибудь с соответствующими полномочиями, чтобы тот взглянул. Этот день так и не наступил, поэтому он решил заставить их посмотреть видео.

– Она худая как щепка. И сейчас я разрежу ее и узнаю, отчего она умерла. Потому что я давал ей достаточно корма, чтобы она должна была набирать вес, а не терять. Первое, что я сделаю, – разрежу эту голову, проверю зубы.

Эрл надел белые перчатки и раскрыл корове пасть, исследуя десны и зубы. Язык выглядел нормально, но некоторые зубы были черными, как уголь, вперемешку с белыми, словно клавиши пианино. На одном зубе был такой большой гнойник, что, по его прикидкам, можно было бы засунуть ледоруб прямо под него. Мухи гудели громко, как пчелы. Он разрезал грудную клетку, вытащил легкое и снова включил камеру. Запах был странный. Он не мог точно его определить. Он отличался от обычного запаха мертвой коровы, с которым он имел дело всю жизнь.

– Я не понимаю, что это за большие темно-красные места вон там. Совершенно не понимаю. Не припомню, чтобы видел такое раньше.

Он вырезал сердце и разрезал его. Мышца выглядела нормально, но в полости, где оно когда-то билось, собралась тонкая желтая жидкость.

– Там ее где-то с чайную чашку или около того – она темно-желтая. Такого я еще никогда не встречал.

Он снова запустил руку в корову и вытащил печень, которая выглядела более-менее нормально. Прикрепленный к ней желчный пузырь – нет.

– Это самый большой желчный, что я видел в жизни! Вот здесь точно что-то не так. Эта штука примерно... о, на две трети больше, чем должна быть.

Почки тоже выглядели ненормально. Вместо гладких они казались волокнистыми, покрытыми гребнями. Селезенка была тоньше и бледнее любой селезенки, которую он встречал. Когда он вырезал второе легкое, он заметил темно-фиолетовые пятна там, где они должны были быть пушистыми и розовыми.

– Замечаете эти темные места, вон там, по всему легкому? Даже внизу, возле кончиков. Это очень необычно. Мне это напоминает немного рак.

Что бы ни убило эту корову, Эрлу показалось, что оно пожирало ее изнутри.

Глава вторая

Звонок

9 октября 1998 года

Цинциннати, Огайо

Зазвонил мой офисный телефон.

– Алло, – сказал незнакомый голос. – Это Робби?

– Это Роб Билотт, – ответил я, удивленный. Никто не называл меня Робби уже лет двадцать.

Мужчина говорил с отчетливым южным акцентом, гнусавым аппалачским говорком, и его слова сливались в одно стремительное, бессвязное предложение. Он был крайне взволнован, говорил так быстро, что я с трудом понимал его. Человеку нужна была помощь. Что-то там насчет... коров? Не просто коров, а умирающих коров. Я был корпоративным адвокатом со стороны защиты. Почему он звонит мне? Громкость и тон его голоса заставили меня откинуться на спинку кресла. Как этот парень вообще достал мой номер? Я редко получал звонки на личную линию от кого-либо, кроме клиентов, других адвокатов и семьи. Любой другой позвонил бы в нашу основную приемную; номер моего прямого телефона не публиковался. Пока он тараторил о своих коровах, я раздумывал, не перевести ли его на мою секретаршу или просто повесить трубку. И тут он привлек мое внимание двумя словами: «Алма Уайт».

Грэммер? Какое отношение эта история об умирающих коровах может иметь к моей восьмидесятиоднолетней бабушке?

Я потянулся за блокнотом и записал его имя: Эрл Теннант. Его семья владела скотоводческой фермой недалеко от Паркерсберга, Западная Вирджиния – города, где Грэммер прожила много лет. Это был также родной город моей мамы. Она выросла в Паркерсберге и училась в средней школе Паркерсберга. В детстве, когда мы собирали машину, чтобы ехать в Западную Вирджинию, она всегда говорила об этом как о «поездке домой».

Это был город, который я хорошо знал по тем детским поездкам к Грэммер и моим прадедушке с прабабушкой. Я даже жил там недолго, в начальной школе. Я был военным ребенком, переезжал с базы на базу, бросал новых друзей, как только успевал их завести. Паркерсберг был одной из немногих констант в моей юной жизни, источником многих моих самых счастливых детских воспоминаний. Когда я думаю об идиллическом Рождестве, оно происходит именно в Паркерсберге. У меня была небольшая семья: только родители и один брат или сестра – моя сестра Бет, которая старше меня на год. Но у нас были огромные ужины с бабушкой и прадедушкой с прабабушкой, а потом мы ехали смотреть на скромные ранчо пятидесятих и шестидесятих годов в районе Грэммер, которые становились великолепными благодаря невероятным рождественским огням и украшениям.

Хотя и рядом, ферма Эрла находилась в мире, далеко от полупригородного района Грэммер, где-то в холмах к югу от города, рядом с фермой, которой управляла семья по фамилии Грэм. Эрл рассказывал своей соседке, Энн Грэм, о своих умирающих коровах. Он сказал ей, что химикаты просачиваются с близлежащей свалки и отравляют его стадо. Он обращался к местным адвокатам, но они отшатывались, как только слышали, кому принадлежит свалка – DuPont, крупнейшему работодателю в городе, – и коротко советовали ему найти другого юриста. «Правительственные ребята» тоже ничем не помогли. Они слушали его сбивчивую речь, а потом ничего не делали. Он звонил в DuPont больше раз, чем мог сосчитать. Люди, бравшие трубку, отделялись уклончивыми ответами, говорил он. Это продолжалось уже два года, а

его коровы продолжали умирать. Он сказал соседке, что найдет адвоката, даже если придется искать его в другом штате.

Энн Грэм хотела помочь. Так случилось, что она только что разговаривала по телефону с моей бабушкой, которая теперь жила рядом с моими родителями в Дейтоне, штат Огайо. Грэммер хвасталась, что я работаю экологическим адвокатом в шикарной фирме в Цинциннати. Через Энн Грэммер дала Эрлу мое имя и номер телефона, сопроводив их блестящей рекомендацией, продиктованной скорее бабушкиной гордостью, чем реальным пониманием юриспруденции. Она пообещала, что ее внук непременно поможет.

Я молча покачал головой. Грэммер стоило спросить меня, прежде чем раздавать мой номер, как конфеты на Хэллоуин. Я бы терпеливо объяснил, что я совершенно не тот тип экологического адвоката – моя фирма занимается корпоративной защитой как раз для таких ребят, как DuPont, когда их обвиняют в загрязнении чьей-то фермы. Короче говоря, я играл за другую команду.

Но я решил выслушать человека. Боль и страсть в его голосе тронули меня. Я попытался представить, каково это – беспомощно стоять в стороне и смотреть, как твои животные страдают и умирают, пока никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь. Последнее, чего мне хотелось, – это пополнить список людей и организаций, которые его подвели. Мне хотелось помочь ему. Но у меня были вопросы.

– У вас есть документы, подтверждающие, что свалка принадлежит DuPont?

– Ага, – сказал он. Фактически он и его семья продали DuPont часть земли, которая теперь была свалкой Драй-Ран. Документы у него все еще были.

– Откуда вы знаете, что химикаты со свалки попадают в ваших коров?

– Я препарировал нескольких. В жизни ничего подобного не видел, – сказал он.

– У вас есть предположения, что именно просачивается со свалки?

– Нет, – ответил он, но был абсолютно уверен, что там что-то есть. Что-то плохое. Иначе с чего бы его стадо так болело? Более того, он считал, что кто-то знает об этом и пытается замаять дело. Зачем еще все просто продолжали смотреть в другую сторону?

Я отнесся скептически. Можно сказать, профессиональный скептицизм. DuPont не была какой-то однодневкой, работающей в обход регуляторов. Это была одна из крупнейших химических корпораций в мире, с почти двухсотлетней историей и пользующаяся огромным уважением, компания, которую в то время широко считали лидером отрасли в области охраны труда и техники безопасности.

Я знал это, потому что, хотя они и не были в числе моих клиентов, я работал бок о бок с их штатными юристами по экологическим вопросам на различных объектах Суперфонда – государственной программы по очистке некоторых из наиболее загрязненных земель и вод страны. Это были юристы высочайшего класса. У них была подготовка, – и бюджет, – чтобы делать все правильно, а это, по моему опыту, всегда было целью корпоративных юристов-экологов.

Утверждение Эрла о том, что DuPont тайно сбрасывает опасные химикаты на свалку, разрешенную только для неопасных отходов, звучало для меня слишком похоже на теорию заговора. За годы работы с корпоративными клиентами моей фирмы я ни разу не сталкивался с подобным поведением. Эрл, должно быть, услышал сомнение в моем голосе.

– Я могу все это доказать, – настаивал он. У него были коробки с фотографиями и видеозаписями, документирующими все, о чем он рассказывал. Если бы я только мог их увидеть, я бы понял, сказал он мне. – Они прояснят всю картину.

Что уже было ясно, так это следующее: если то, что говорил Эрл, правда, это могло означать потенциальный судебный процесс против одной из крупнейших химических фирм мира.

У меня не хватило духу сказать Эрлу, что я не подаю в суд на такие компании, как DuPont, а защищаю их. Их гонорары оплачивали мои счета.

Но я всегда ненавидел подводить людей, особенно тех, кто оказался в отчаянной ситуации. Я решил, что минимум, что я могу сделать, – пригласить его в фирму, выслушать и посмотреть на то, что он так отчаянно хочет мне показать. К тому же он звонил по совету моей бабушки. Я предложил ему приехать в Цинциннати – дорога заняла бы три с половиной часа. Он мог привезти все свои коробки. В крайнем случае я мог бы порекомендовать его адвокату из другой фирмы, который занимается такими делами.

– Ничего не обещаю, – сказал я. – Но я посмотрю.

В худшем случае я потрачу час, разглядывая случайную коллекцию фотографий и документов, которые ничего особого не значат.

Ну сколько проблем это могло доставить?

До звонка Эрла моя жизнь была настолько нормальной, насколько это вообще возможно.

Мне было тридцать три года, я только что стал отцом шестимесячного мальчика, которого мы называли Тедди, и до статуса партнера в Taft Stettinius & Hollister LLP, одной из старейших юридических фирм Цинциннати, оставалось два месяца. Мы с женой Сарой готовились строить дом, более подходящий для семьи, чем тот столетний дом – находка для умельца, проданная кому-то не особенно умелому, – который я купил шесть лет назад, до нашей свадьбы. Мы с Сарой познакомились осенью 1991 года, чуть больше года спустя после того, как я начал работать в Taft. Я пил кофе с двумя коллегами, еще одним парнем двадцати с лишним лет, как и я, и молодой коллегой по имени Мария, когда пожаловался, что долгий и непредсказуемый рабочий график нового младшего юриста в крупной фирме мешает поддерживать хоть какую-то социальную жизнь. Особенно это было заметно в Цинциннати, где люди, как правило, оставались на всю жизнь, сохраняя друзей, с которыми дружили еще со старшей школы. «У меня есть подруги, с которыми я могу тебя познакомить», – сказала Мария. Она немедленно позвонила Саре Барлаге, двадцати пяти лет (мне было двадцать шесть), которая только начала работать юристом в другой корпоративной фирме в центре города. Мария и Сара выросли и вместе учились в школе в одном районе через реку Огайо, в Северном Кентукки. Мария описала двух новых холостяков в Taft: меня и того парня. Я был «тихоней». Сара была умной, живой и любила компанейских людей. Основываясь на описаниях, Сара явно предпочла холостяка номер два. «Но я возьму первого, кто освободится».

Я сделал так, чтобы это был я. Мы втроем – Мария, Сара и я – встретились за ланчем. Моей первой мыслью при знакомстве с ней была типичная реакция двадцатилетнего парня. Она была великолепна. Обе женщины, обе экстравертки и любительницы поболтать, проговорили все время, пока я слушал. Уверен, я пялился на Сару, прикованный ее красивыми ярко-голубыми глазами. В ней было столько жизни, она буквально светила. Она была очаровательной и общительной и, казалось, видела в каждом все самое лучшее – все то, чем я хотел бы быть, но не был. Сомневаюсь, что я сказал больше пары предложений, но надеялся, что излучаю ауру привлекательной загадочности. Может, и нет.

После того ланча Сара не сидела у телефона в ожидании моего звонка, но по крайней мере не отказалась, когда я пригласил ее на ужин и в кино. Мы высидели «Мыс страха», и только позже она призналась, что на самом деле не любит ходить в кино. Сейчас она говорит, что за ужином я говорил о своей сестре и родителях «с теплотой», и это заставило ее не обращать внимания на мою неловкость. А неловкости было много. Насколько же бестактным я мог быть? В тот вечер, когда я решил сделать предложение, у нее началась дикая мигрень. Я зашел проводить ее, но она не могла поднять голову с подушки. Она просто лежала в темноте. Единственное, что она смогла сделать, – попросить меня сходить за обезболивающим. Я решил, что это мой шанс, и положил кольцо в пузырек с лекарством. Я включил свет, чтобы она увидела кольцо, когда откроет пузырек. Она сказала что-то вроде: «Мне очень нравится. А теперь выключи свет и уходи». Но каким-то образом она смогла разглядеть за моими прома-

хами мое лучшее «я», которое сомневаюсь, что могло бы существовать, если бы она не согласилась выйти за меня замуж.

Она переехала в мой старый дом, но когда забеременела, мы начали присматриваться: к стенам (наверное, токсичная свинцовая краска, решили мы); к району (много двадцатилетних и почти нет семей) и к привлекательным лесистым, холмистым, доступным по цене районам на другой стороне реки Огайо, в Северном Кентукки, где выросла Сара.

Мы решили, что моя грядущая стабильность и более высокий доход, который я буду получать как партнер, позволят нам не только построить подходящий семейный дом на тех кентуккийских холмах, но и дадут Саре, которая защищала корпорации в делах о компенсациях работникам, возможность отойти от сумасшедшего графика и, по крайней мере на несколько лет, посвятить себя семье.

Каждое утро я заезжал на своем Toyota Celica 1990 года на парковку, заставленную «Бенцами» и «Бимерами», поднимался на лифте на двадцатый этаж и шел по коридорам, украшенным репродукциями современного искусства и масляными портретами давно умерших партнеров. Среди этих партнеров был сын президента Уильяма Говарда Тафта. Основанная в 1898 году, Taft к тому времени, как я начал там работать, считалась средоточием выпускников Лиги плюща со старыми деньгами и впечатляющими семейными связями. Будучи военным ребенком, сменившим полдюжины мест до окончания обычной школы, я все еще привыкал к тому миру, где носят галстуки-бабочки и костюмы из сирсакера, где еще недавно считалось дурным тоном ходить по коридору без пиджака, а визитки считались безвкусицей. Во время учебы на юрфаке я подавал заявку на летнюю стажировку в Taft. Я не прошел дальше первого собеседования. Но после окончания юридической школы в Университете штата Огайо я каким-то образом прошел отбор. Никогда не забуду свой первый день в 1990 году, когда пожилой партнер поприветствовал меня понимающим кивком.

– Гарвард? – спросил он.

– Нет, – ответил я.

– Вирджиния?

– Университет штата Огайо.

– А! – сказал он. – Темная лошадка!

Восемь лет спустя я все еще пытался избавиться от ощущения, что я чужак, стремясь доказать – себе и своим партнерам, – что я достоин быть в Taft. Чего мне не хватало в наградах, я компенсировал высокой переносимостью нудной работы. Меня не смущали кропотливые задачи, часы погружения в мельчайшие детали, которых большинство юристов боялись и избегали. Я всегда был немного помешан на деталях, даже чересчур. Ребенком, задолго до того, как получить права, я был очарован машинами, впитывая все до мелочей: модель, марку, год выпуска. Как ходячая автомобильная энциклопедия, я мог наизусть перечислить, скажем, мелкие отличия между Buick Electra 72-го и 73-го года, и обожал те тысячадетальные наборы моделей машин, где для сборки фар нужны были пинцет и лупа.

Я никогда бы не подумал, что моя одержимость пригодится в качестве адвоката, но она не только оказалась полезной, но и сделала меня невосприимчивым к той скуке, от которой страдают многие начинающие юристы.

Мой характер хорошо подходил для юридической работы, но не очень – для юридического бизнеса. До сих пор вся моя работа была для клиентов других адвокатов. У меня не было собственной клиентской базы. Фактически я никогда не приводил в фирму нового клиента, а это часто один из ключевых показателей успеха в корпоративной фирме вроде Taft. Я боялся светских раутов так же, как большинство мужчин боится ходить по магазинам. Я ненавидел быть тем парнем в арендованном смокинге, попивающим белый зинфандель на каком-нибудь благотворительном гала-вечере и потеющим над вопросом, какой вилкой пользоваться. Это противоречило всей моей натуре – конкурировать с другими адвокатами, выискивающими

контакты в толпе. Я был счастлив позволить моим коллегам заниматься приемами и обедами, пока я сидел, не высываясь, и делал за них черную работу. Я был тем, кого называют «рабочей лошадкой, а не ищейкой».

Я работал в группе экологической практики фирмы, небольшом подразделении с общенациональной практикой и отличной репутацией. Хотя это было случайностью. В последнем семестре юридической школы я записался на факультативный курс по экологическому праву только потому, что тема звучала освежающе приземленно после мозговывносящих абстракций договорного и налогового права. На основе этого, и не более того, когда я увидел, что в Taft есть известная экологическая группа, я попросился туда. Я понятия не имел, чем на самом деле занимается эта группа.

Как я вскоре узнал, большинство наших клиентов были крупными корпорациями, и большая часть моей работы заключалась в работе с разрешениями, нормативными документами и связанными с ними судебными исками. В основном я помогал компаниям избегать нарушения многочисленных экологических законов и правил, регулирующих их отходы. Примерно в то время, когда Эрл нашел меня, я был занят помощью нашим корпоративным клиентам с загрязненными опасными отходами участками, которые очищались в соответствии с федеральным законом о Суперфонде.

Когда я позвонил бабушке, чтобы поблагодарить за рекомендацию, – я не стал упоминать, что закатывал глаза, – она сказала, что у меня более тесная связь с Эрлом, чем я думал. Мальчишкой, в 1976 году, я посещал ферму Грэмов, прямо рядом с землей Теннантов. Я ярко помнил тот визит, счастливое воспоминание. Я даже доил одну из коров, чьи телята, возможно, теперь пили пенящуюся воду, текущую через фермы.

Напалм – один из самых известных продуктов компании DuPont

Две недели спустя я встретил Эрла и его жену Сэнди Теннант в застекленной приемной Taft. Эрл, одетый в джинсы и клетчатую фланелевую рубашку, поднялся с дивана в стиле середины века. Он возвышался надо мной. Его лицо расплылось в благодарной улыбке, и он про-

тянул мозолистую руку. Сэнди, одетая по-воскресному, застенчиво улыбнулась. Я взглянул на четыре или пять картонных коробок, которые они привезли. Эрл не шутил: они были набиты документами, видеокассетами и фотографиями.

Мы поднялись на лифте в комнату Гэмбл, одну из наших больших переговорных на двадцатом этаже, где базировалась вся группа экологической практики. По пути мы столкнулись с Томом Терпом, одним из двух партнеров, руководящих нашей группой, и тем, кто научил меня работе с Суперфондом. Ким Берк был тогда другим партнером в нашей группе, тем, кто научил меня сложному миру экологического разрешения и консультирования по соблюдению требований.

Я безмерно уважал Тома и Кима. Они были щедрыми наставниками, которые демонстрировали и требовали невероятной трудоспособности и безупречно высоких стандартов. Если ближе к вечеру звонил клиент с вопросом, ты работал всю ночь, чтобы ответ был готов с утра пораньше, даже если клиенту он был нужен не прямо сейчас. Смысл был в том, чтобы снова и снова доказывать: мы делаем работу лучше всех и обеспечиваем лучший сервис для клиентов.

Столкнувшись с Томом, я пригласил его присоединиться к нам и с облегчением вздохнул, когда он согласился. Эрл был максимально далек от нашего типичного клиента, и его претензия к тому типу корпоративных клиентов, которых наша фирма обычно защищала, могла завести нас в щекотливую ситуацию. Перспектива того, что Том будет присутствовать на первой встрече, была чрезвычайно обнадеживающей.

Наблюдая, как Эрл и Сэнди осматриваются, я подумал, что и им не помешала бы поддержка. Комната Гэмбл была строгим помещением без окон. Стены цвета слоновой кости были украшены современным искусством, включая подписанный принт Энди Уорхола, который, должно быть, стоил больше, чем вся ферма Эрла. Фотография в рамке мистера Гэмбла, давно умершего партнера, наблюдала за нами со стены, возможно, в ужасе от мысли, что мы вообще рассматриваем такое дело. Мы собрались в одном конце гигантского темного деревянного стола для переговоров и устроились в синих обитых тканью креслах. Как и для всех встреч с клиентами, мы приготовили поднос с прохладительными напитками и кувшин с водой для гостей. Но Эрла и Сэнди не интересовали светские беседы или угощение. Они хотели сразу перейти к делу.

Эрл начал рассказ. Говорил он немного сбивчиво, с хрипотцой. Иногда ему приходилось останавливаться после фразы, словно воздух заканчивался и нужно было перевести дух, прежде чем продолжать. Эта трудность, казалось, ничуть его не смущала. Он пытался сказать то, что должен был сказать, уже долгое время, и больные легкие не могли ему помешать.

Последние два или три года он обзванивал все агентства, какие только мог придумать. Местные инстанции отфутболивали его или игнорировали. Затем он позвонил федералам. Агентство по охране окружающей среды США заявляло, что изучает проблему. Однажды в 1997 году какие-то правительственные люди появились на его ферме и провели несколько дней, расхаживая, отбирая пробы и делая записи, но он не получил от них никакого ответа и не увидел никаких результатов. При нынешних темпах, сказал он, все его стадо вымрет прежде, чем они дадут ему хоть какие-то полезные ответы.

– Никто не хочет вмешиваться, – сказал он.

Он водрузил свои коробки на стол для переговоров и начал доставать то, что хотел мне показать. Мы перебирали стопки фотографий три на пять дюймов с изображением коров и диких животных: рыбы, лягушки, олени – все мертвые. Он сфотографировал трубу, извергающую белую пенящуюся воду в ручей. Я смог разглядеть знак у трубы с логотипом E. I. du Pont de Nemours and Company и словом «выпуск».

Дошла очередь до видео. Эрл вытащил стопки черных кассет VHS с рукописными наклейками, указывающими «Сухой Ручей» и «Ли-Крик», с датами за последние несколько

лет. Помощник вкатил тележку с девятнадцатидюймовым портативным цветным телевизором и видеоплеером. Эрл протянул мне первую кассету. Я вставил ее и нажал «воспроизвести».

Зернистые изображения, усыпанные помехами, замелькали на экране. Эрл смонтировал свои любительские съемки в жуткую нарезку самых ярких моментов. Сквозь искаженный звук я слышал его сердитый голос за кадром, объясняющий каждую сцену, пока по экрану, запинаясь, проплывала вереница гротескных образов.

К концу видео я был просто сражен. Это было убедительно. У меня больше не осталось сомнений: здесь творится что-то ужасно неправильное.

Настроение Эрла улучшилось, когда он почувствовал, что кто-то наконец-то слушает – и, что самое важное, мы понимаем. Огонь в его глазах сменился с гнева на надежду.

– Вы можете нам помочь?

Это был очень серьезный вопрос.

После ухода Теннантов мне нужно было многое обдумать. Его негодование и страсть передались и мне: как получилось, что никто другой – адвокаты и правительственные чиновники, к которым он обращался, – не смог распознать такую очевидную проблему? Я видел «Эрин Брокович» и «Гражданский иск». Я знал, что злая, безликая корпорация иногда может быть реальностью. Но я также работал со множеством мужчин и женщин в корпоративных офисах, которые были порядочными, моральными людьми, и меньше всего они хотели бы навредить своим согражданам. Поэтому я не спешил с выводами и не принимал на веру утверждения Эрла о том, что все местные и «на уровне штата» либо работают на DuPont (либо с ней), либо боятся последствий конфликта с ними.

Был еще один элемент, которого не было в тех коробках, но он стал очевиден, пока я слушал Эрла в тот день. Сам Эрл тоже заболел. Он сказал, что ему трудно дышать после того, как он подходит близко к свалке или ручью, особенно когда «облака пара» от аэратора на одном из прудов свалки нависают над его участком. Он боялся за Сэнди и своих двух маленьких дочерей, Кристал и Эми. Он запретил им подходить к ручью, вдоль которого они когда-то любили гулять и в котором плескались детьми. Но как насчет колодезной воды, которую они пьют? Как насчет воздуха, которым они дышат?

Я хотел помочь ему, без вопросов. Я не был тем адвокатом, который вырос с мечтой быть похожим на Аттикуса Финча, борца за справедливость, защищающего слабых от коррумпированных и сильных. На самом деле я понятия не имел, что такое работа в юридической фирме, пока не пришел в Taft. Я просто хотел профессиональную карьеру, которая могла бы обеспечить хороший заработок.

Но теперь я был здесь, и передо мной сидел человек, отчаянно нуждающийся в моей помощи, умоляющий о ней.

Это был непростой выбор. Решение взяться за это дело могло иметь серьезные последствия. Taft собиралась подавать в суд на компанию того типа, который фирма обычно представляла. Такие новости могут распространяться в отрасли со скоростью лесного пожара. Я не хотел запятнать безупречную репутацию фирмы в деловом сообществе. Может ли принятие дела повредить важным отношениям или отпугнуть будущих клиентов? Неужели я действительно собирался сделать это своим первым делом, приведенным в фирму?

После того как Эрл и Сэнди ушли, забрав свои коробки, мы с Томом задержались в переговорной, чтобы обсудить услышанное. Пионер в области экологического права, Том начал свою карьеру вскоре после создания Агентства по охране окружающей среды в 1970 году. Он участвовал в первых очистках по программе Суперфонд в стране и теперь считался национальным лидером в этой области. Он гораздо лучше понимал риски и то, как этот шаг будет воспринят – нашими партнерами, а также химической промышленностью.

Однако Тома, как и меня, фотографии и видео убедили в том, что творится реальная несправедливость. Его не испугал неортодоксальный характер ситуации. Это было небольшое

дело – всего один фермер и его скот. Оно не должно было поднять слишком много шума, чтобы распугать крупную корпоративную рыбу, с которой работала наша фирма.

Не говоря уже о том, что это было правильно.

Кроме того, сказал он, практика время от времени заниматься делами истцов может сделать нас лучшими адвокатами защиты.

Была еще одна проблема. Том сразу же указал, что семья Эрла никак не сможет оплатить наши почасовые ставки. Taft, как и большинство крупных фирм, занимающихся защитой, выставяла счета в несколько сотен долларов в час. Для многих корпораций, которым мы служили, это была просто еще одна статья расходов на ведение бизнеса, которая приносила четкую отдачу от инвестиций. Нашей работой было ограничить ответственность клиента, что само по себе могло быть достаточно, чтобы разорить компанию. Деньги, которые мы экономили компании, избегая штрафов или выигрывая суды, намного превышали наши почасовые гонорары.

Фирмы, представляющие истцов, с другой стороны, работали с клиентами, которые часто не могли позволить себе оплачивать почасовые юридические услуги. Обычно они работали за «гонорар успеха», что означало, что они не получали оплаты до тех пор, пока (или если) не заключали мировое соглашение или не выигрывали процесс. Затем они получали заранее определенный процент – обычно от 20 до 40 процентов – от присужденной клиенту суммы. Это была игра ва-банк. В отличие от адвокатов защиты, которым обычно платили независимо от исхода, адвокаты истцов получали оплату, только если выигрывали. Если они проигрывали, им приходилось покрывать свои расходы. Фирма несла убытки, но истец не становился беднее.

Риск не получить оплату лежал не только на фирме. В практике фирм, специализирующихся на защите, основной валютой являются оплачиваемые часы – время, потраченное на работу в интересах клиентов, которое может быть выставлено клиенту, обеспечивая финансовое благополучие фирмы и оправдывая существование конкретного юриста. Во многих крупных фирмах, занимающихся защитой, адекватным показателем считалось около 1800–2000 оплачиваемых часов в год. Юристы, которые набирали намного меньше, рисковали не только не получить прибавку (или даже лишиться части зарплаты), но и потенциально пустить под откос всю свою карьеру, если это не исправить быстро.

Поэтому я немного сглотнул, когда Том согласился, что Taft будет представлять Теннантов за гонорар успеха, и что я буду партнером, ответственным за это дело и выставление счетов. Это казалось довольно простым: я изучу разрешения, определю, какие химикаты попадают на свалку, и выясню, какие лимиты превышены, точно так же, как я успешно делал это в своей работе по корпоративной защите. Я просто добавлю это дело ко всем остальным, над которыми уже работал для Тома и Кима. Мы исходили из того, что иск Теннантов не займет много времени и не потребует больших затрат моего времени, и это будет хороший шанс приобрести собственного клиента по вопросам, с которыми я могу справиться сам. Подозреваю, Том думал, что это не будет большой авантюрой с точки зрения ресурсов фирмы, поскольку шансы, что я приведу какие-то крупные новые корпоративные счета, были невелики. Может быть, он видел в этом способ вытащить меня из моей скорлупы.

Глава третья

Паркесберг

8 июня 1999 года

Паркесберг, Западная Вирджиния

Восемь месяцев спустя после визита Эрла я надел костюм для встречи с клиентом и сел за руль своего маленького Celica, чтобы отправиться в Западную Вирджинию. Я хотел своими глазами увидеть местность, надеясь, что она даст какую-то очевидную подсказку, которая приведет меня к источнику проблем. Пока что я нашел немного.

После всех этих месяцев работы над делом это было убийственное признание. Я отправлял запросы по Закону о свободе информации во все соответствующие агентства, изучая тысячи полученных документов, касающихся разрешений и эксплуатации свалки – и все это одновременно с работой над делами Суперфонда с Томом и нормативной работой с Кимом. В соответствии с требованиями, DuPont регулярно отправляла правительству отчеты о тестах воды, вытекающей со свалки, но отчеты не показывали ничего, что могло бы объяснить то, что Эрл видел у своих коров. Я ходил в нашу экологическую библиотеку – громкое название для комнатухи размером с чулан на двадцатом этаже, заставленной справочниками по экологии, – и просматривал тома по различным химикатам в поисках тех, что могли бы вызвать пену, которую Эрл нашел в Сухом Ручье. Я не находил совпадений.

За всю мою работу в фирме мне всегда удавалось копать и находить иголку в стоге сена, поэтому Том и Ким давали мне достаточно положительные отзывы, чтобы оправдать мое назначение партнером, даже если я еще не привел ни одного своего клиента. Впервые, и с первым клиентом, которого я привел в фирму, никаких иголок не появлялось. Поэтому я копал еще усерднее, добавляя часы к моему и без того длинному рабочему дню. Обычно я приходил около 8:30 шесть дней в неделю и оставался по крайней мере до 6:00 или 6:30. Теперь я задерживался до 10:00 или 11:00.

Применение промышленных гербицидов во время Войны во Вьетнаме

Шли дни, Эрл звонил по несколько раз в неделю, желая знать, что я нашел и сколько уже выяснил. Я чувствовал его растущее разочарование, когда ответ был всегда один и тот же: я все еще изучаю документы. «Давай подождем и посмотрим, что скажут остальные правительственные документы», – говорил я ему. Это едва ли удовлетворяло его. Годами он имел дело с «этими людьми» – властями штата, Агентством по охране окружающей среды и, главное, DuPont, – и не верил ни единому их слову. Я понимал его чувства, но полагался на науку: будут взяты пробы, проведены тесты, и любая проблема выявится.

Все звонки заканчивались одинаково: Эрл вешал трубку, явно недовольный – как ходом дела, так и мной лично. У меня никогда раньше не было недовольного клиента, и это тяготило меня.

Не найдя ничего полезного через обычные каналы, я составил официальную жалобу для возбуждения иска против DuPont, что позволило бы нам начать процесс судебного раскрытия доказательств – единственный способ, который я мог придумать, чтобы точно определить проблемные химикаты. Только DuPont точно знала, какие химикаты находятся на свалке Драй-Ран, и они, вероятно, были единственными, кто знал о токсическом воздействии этих веществ. DuPont проводила обширные внутренние токсикологические испытания, что не было редкостью. Крупные химические компании, такие как DuPont, часто знали о токсическом воздействии своих химикатов больше, чем регулирующие органы.

Представление моего юридического плана Теннантам было бы хорошей возможностью встретиться со всей семьей, осмотреть ферму и показать себя, напомнив им, что я действительно на их стороне. Как только они подпишут официальные бумаги, я подам жалобу в суд, и судебный процесс официально начнется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.